

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

СТИХИ

ИЗБРАННЫЕ И ПЕРЕВЕДЕННЫЕ

ФЕДОРОМ СОЛОГУБОМ

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

СТИХИ

ИЗБРАННЫЕ И ПЕРЕВЕДЕННЫЕ

**ФЕДОРОМ
СОЛОГУБОМ**

**Издательство «Водолей»
Томск — 1992**

ББК И(Фр)
В.33

Обложка и иллюстрации О.Бердсли
Портреты П.Верлена работы Ф.Валлоттона и
автопортрет

В33 **Верлен Поль.**
Стихотворения избранные и переведенные
Федором Сологубом.— Томск: «Водолей», 1992.—
128с.

4703010200
В **_____** **Без объявл.**
М46(03)

ISBN 5—7137—0005—4
© Составление, оформление «Водолей», 1992

Поль Верлен
С офорта А.Дорна (1890)

Федор Сологуб
Портрет К. Сомова (1910)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге собраны переведенные мною 37 стихотворений Поля Верлена. Здесь нет стихотворений католических, — они кажутся мне малоинтересными, малохарактерными для Верлена. Выбор стихотворений, сделанный по моему личному вкусу, может показаться довольно случайным. Как и все в жизни, подчиненной капризам своенравной Айсы. Но есть, я думаю, в этом выборе и влияние ее суровой сестры, которая под пестротой случайностей вечную устанавливает свободу в ее земном облики неизбежной необходимости.

Я переводил Верлена, ничем внешним к тому не побуждаемый. Переводил потому, что любил его. А любил я в нем то, что представляется мне в нем наиболее чистым проявлением того, что я назвал бы мистическою ирониею.

В поэтическом творчестве я различаю два стремления, — положительное, ироническое, говорящее миру *да*, и этим вскрывающее роковую противоречивость жизни, — и отрицательное, лирическое, говорящее данному миру *нет* и этим созидающее иной мир, желанный, необходимый и невозможный без конечного преображения мира. Поэзия Поля Верлена, — конечно, ирония.

Всякий знает лирически-нежное имя Дульсинеи Тобосской, прекраснейшей из женщин. Ее прелести затмевают красоту Елены Прекрасной и очарования небесной очаровательницы Афродиты. Всякая Прекрасная дама и всякая Невинная дева — только небесные и земные лики Дульсинеи. Но не всякий сразу вспомнит иронически-точное, в метрику приходской церкви занесенное имя Альдонсы, той самой дебелий красотки, которую нашел Санчо Панса, посланный в Тобосо к Дульсинее. Луком и потом несло от нее, потому что она трудилась над грубыми работами и грубыми питалась яствами.

Для лирического поэта, как для Дон-Кихота, нет Альдонсы,— есть Дульсинея. Для иронического поэта, как для Санчо Пансы, нет Дульсинеи,— есть Альдонса.

И та, и другая область поэзии редко остаются в своей начальной чистоте, и многие представляют уклоны. Альдонса побывала в городах, Альдонса знает трогательную историю безумного Рыцаря Печального образа, Альдонса взволнована новыми ей мечтами, Альдонса хочет стать Дульсинею. Подвига хочет и жертвы, и смеется и плачет, и веселый пляшет танец, и трагический. Дульсинея улыбается ей и нисходит к ней навстречу по золотой лестнице, роняя венец превосходства и одеяния царицы...

Многие уклоны... Лирика на высочайших ее высотах открывает роковую противоречивость и в самом ее восторге, неизбежность грехопадения во всяком мыслимом мироздании, изначальную греховность всякого отъединения от Меня. Становится трагической иронией. Образ Дульсинеи истончается,— и умирает Дульсинея. Такова была поэзия Лермонтова.

Или в нисходящей, роняющей венец превосходства Дульсинею обличаются черты земной Альдонсы. Но так как лирик говорит Альдонсе *нет*, то и Дульсинею отвергает он, и Прекрасная дама преобразуется в Девушку из папье-маше. Скептическая лирика.

И многие иные уклоны. И так же из области иронии. Самый обычный клон — принять Альдонсу со всеми ее противоречиями, как единственную истину, и отвергнуть Дульсинею, как нелепую и смешную мечту. Роковые противоречия Альдонсы принять, как удобное для

жизни разделение, — вот это для домашнего обихода, это — для улицы, это — для того, а то — для другого. Сочетаться с Альдонсою, с нею к земным идти достижениям. «Прозаические бредни, фламандской школы пестрый сор». Площадная лирика. Реализм.

Самый редкий уклон, — и это — уклон Поля Верлена, — когда принята Альдонса, как подлинная Альдонса и подлинная Дульсинья: каждое ее переживание ощущается в его роковых противоречиях, вся невозможность утверждается как необходимость, за пестрою завесою случайностей обретен вечный мир свободы. В каждом земном и грубом упоении таинственно явлены красота и восторг. Ирония становится мистической.

Таким был Верлен в его наиболее искренних, — а потому и ценных для нас, — переживаниях.

ИЗ КНИГИ «**POEMES SATURNIES**»**NEVERMORE.**

Зачем ты вновь меня томишь, воспоминанье?
Осенний день хранил печальное молчанье,
И ворон несся вдаль, и бледное сиянье
Ложилось на леса в их желтом одеянии.

Мы с нею шли вдвоем. Пленяли нас мечты.
И были волоса у милой развиты,—
И звонким голосом небесной чистоты
Она спросила вдруг: «Когда был счастлив ты?»

На голос сладостный и взор ее тревожный
Я молча отвечал улыбкой осторожной,
И руку белую смиренно целовал.

— О первые цветы, как вы благоухали!
О голос ангельский, как нежно ты звучал,
Когда уста ее признание лепетали!

ЖЕНЩИНЕ.

Тебе мои стихи о ласке утешительной
Очей, где слезы радости, где сладкая мечта,
О сердце кротком, девственном. Сложилась песня та
Во тьме моей тоски, безумно разрушительной.

Повадился ко мне, увы! кошмар губительный.
Растет, как стая жадная волков из-за куста.
Нет от него спасения, жизнь кровью облита,
Он давит сердце мне с жестокостью мучительной.

Томлюсь, томлюсь безрадостно, и первая тоска
Адама в первый день внезапного изгнания,
Как нежная идиллия, передо мной сладка.

Твои ж заботы все отрадней щебетания, —
О милая, — тех ласточек, что в небе голубом
Летают ранней осенью, прохладным светлым днем.

ТОСКА.

Меня не веселит ничто в тебе, Природа:
Ни хлебные поля, ни отзвук золотой
Пастушеских рогов, ни утренней порой
Заря, ни красота печального захода.

Смешно Искусство мне, и Человек, — и ода,
И песенка, — и храм, и башни вековой
Стремленье гордое в небесный свод пустой,
И равнодушен я давно к судьбе народа.

Не верю в Бога я, приманки громких слов
Отверг, а древняя ирония, — Любовь,
О, пусть не говорят о ней мне ни полслова!

Я жизнью утомлен, и смерть меня страшит,
Как челн покинутый, игрушка ветра злого,
Навстречу бурь душа с боязнию бежит.

GROTESQUES.

Не опасаясь ни лишений,
Ни утомленья, ни тоски,
Они дорогой приключений
Идут, в лохмотьях, но дерзки.

Мудрец казнит их речью ловкой,
Глупец становится в тупик,
Девицы дразнят их издевкой,
Мальчишки кажут им язык.

Конечно, жизнь их ядовита,
Они презренны и смешны,
Они напоминают чьи-то
Во тьме ночной дурные сны;

Гнутят! над резкою гитарой
Блуждает вольная рука.
В их странных песнях ропот ярый,
По горней родине тоска;

В глазах то плачет, то смеется
Любовь, наскучившая нам,
К тому, что вечно остается,
К давно почившим и богам.

— Блуждайте ж, отдыха не зная,
Людьми отвергнутой толпой,
У двери запертого рая,
Над грозной бездною морской.

С природой люди дружны стали,
Чтобы казнить вас поделом,
За то, что гордые в печали
Идете с поднятым челом.

И вас, отмщая дерзновенных
Надежд высокомерный пыл,
Встречает на путях забвенных
Природа схваток грубых сил.

То зной сжигает ваше тело,
То холод в кости вам проник;
Горячка кровью овладела,
Терзает кожу вам тростник.

Все гонят вас с ожесточеньем, —
А после смерти роковой
И волк посмотрит с отвращеньем
На труп холодный и худой.

LA CHANSON DES INGENUES.

Мы — невинные творенья,
Глазки синие у нас.
Нас вместило вдохновенье
В мало читанный рассказ.

Мы идем, обнявшись нежно,
Беззаботные четы.
В наших думах безмятежно,
Светлы чистые мечты.

На поляны убегаем,
Лишь спадет ночная тень,
Ловим бабочек, болтаем,
Веселимся целый день.

Под пастушьей шляпкой свету
Наша свежесть не видна,
И на платьях наших нету
Ни единого пятна.

Ловеласы, Дон Жуаны,
Сам пленительный Фоблаз,
Тщетно ставят нам капканы
Нежных слов и томных глаз.

Как все речи их ни сладки,
Мы бежим от них назад,
И насмешливые складки
Наших юбок шелестят.

Дразнит их воображенье,
Этих злых сорвиголов,
Наше чистое презренье, —
Хоть порой уже любовь

Заставляет сердце биться
От печальных, тайных грез
И боязни, чтоб влюбиться
В сорванцов нам не пришлось.

СЕРЕНАДА.

То не голос трупа из могилы темной, —
Я перед тобой.
Слушай, как восходит в твой приют укромный
Голос резкий мой.

Слушай, мандолине душу открывая,
Как звенит струна:
Про тебя та песня, льстивая и злая,
Мною сложена.

Я спою про очи: блеск их переливный —
Золото, оникс.
Я спою про Лету грудей, и про дивный
Темных кудрей Стикс.

То не голос трупа из могилы темной, —
Я перед тобой.
Слушай, как восходит в твой приют укромный
Голос резкий мой.

Тело молодое, как и подобает,
Много восхваляю:
Вспомнив, как роскошно плоть благоухает,
Я ночей не сплю.

И, кончая песню, воспою лобзанья
Этих алых губ,
И твою улыбку на мои страданья,
Ангел! душегуб!

Слушай, мандолине душу открывая,
Как звенит струна:
Про тебя та песня, льстивая и злая,
Мною сложена.

В ЛЕСАХ.

Одни, наивные иль с вялым организмом,
Услады томные найдут в лесной тени,
Прохладу, аромат, — и счастливы они.
Мечтания других там дружны с мистицизмом, —

И счастливы они. А я... меня страшат
И неотступные и злые угрызенья, —
Дрожу в лесу, как трус, который привиденья
Боишься, или ждет неведомых засад.

Молчанье черное и черный мрак роняя,
Все ветви зыблются, подобные волне,
Угрюмые, в своей зловещей тишине
Глубоким ужасом мне сердце наполняя.

А летним вечером зари румяной лик,
В туманы серые закутавшись, пышет
Пожаром, кровью в них, — и жалобой дышит
К вечерне дальний звон, как чей-то робкий крик.

Горячий воздух так тяжел; сильнее и чаще
Колышутся листья развесистых дубов,
И трепет зыблет их таинственный покров
И разбегается в лесной суровой чаще.

Приходит ночь. Сова летит. Вот час, когда
Припоминается старинное преданье.
В лесу, внизу, звучит чуть слышное журчанье
Ручья, как тихий шум злодейского гнезда.

MARINE.

Океан трепещет
Звучной шириной,
Траур над луной,
И луна не блещет, —

Молнии излом,
Пагубный и хмурый,
Бьется в тверди бурой
Блещущим ножом, —

Судорожно скачет
Каждый новый вал
Вдоль подводных скал,
Бьется, блещет, плачет, —

Там, где ураган
В небесах блуждает,
Грозно гром рыдает, —
Бьется океан.

ИЗ КНИГИ «LA BONNE CHANSON»

* * *

Она прелестна в свете нежном
Весны шестнадцатой своей
Чистосердечьем безмятежным
Еще невинных детских дней.

Очами райского мерцанья
Она умеет, — хоть о том
Не думает, — зажечь мечтанья
О поцелуе неземном,

И ей не трудно ручкой нежной,
В которой птичке негде сесть,
Внезапно сердце в безнадежный,
Неразрушимый плен увести.

Идет на помощь светлый разум
Душе возвышенной; она
Умна и непорочна разом,
Значенья речь ее полна.

И если жалости не будит
Безумство в ней, а веселит,
Зато она любезней будет,
И даже дружбой подарит,

И даже, может быть, — кто знает! —
Любовью смелого певца,
Что под окном ее блуждает
И ждет достойного венца

Для песни, — милой иль противной! —
В которой непритворно он
Изобразил недуг наивный
Того, кто пламенно влюблен.

* * *

Пока блестит твой бледный диск,
Звезда, на небосклоне,
— И птичий писк,
И волны благовоний! —

Брось на поэта, в чьих очах
Огни любви зардели,
— В дневных лучах
Вот жаворонка трели. —

Твой взор, который будет скрыт
Зарей в лазури неба.
— Восторг царит
Над зрелой нивой хлеба. —

Зажги мечту мою потом
Над дальним, дальним долом,
— Роса кругом
В сверкании веселом. —

Над спящей милою моей,
В ночном ее покое...
— Скорей, скорей:
Вот солнце золотое! —

* * *

Белая луна
Сеет свет над лесом.
Звонкая слышна
Под его навесом
Песня соловья...

Милая моя!

Ветер тихо плачет
В ветках над рекой,
А внизу маячит,
Отражен водой,
Темный ствол березы...

Вспомним наши грезы.

Сходит к нам покой
Нежный, бесконечный
С тверди голубой,
Где сияет вечный,
Тихий звездный строй...

В этот час ночной.

* * *

Лети ты, песенка, скорей
Навстречу ей с моим приветом.
Скажи, что в сердце, верном ей,
Светился луч веселым светом,

Все расточая в глубинах,
Что нежную любовь смущает, —
Сомненье, недоверье, страх, —
И вот уж ясный день сияет.

Ты слышишь? радость говорит,
Так долго робкая, немая,
И к ясным небесам летит,
Как жаворонок распевая.

Лети же, песенка моя, —
Разлуки с нею время минет,
Она далекие края
Без сожаления покинет.

* * *

Вчера, среди ничтожных разговоров,
Мои глаза искали ваших взоров;
Ваш взор блуждал, ища моих очей,—
Меж тем бежал, струясь, поток речей.
Под звуки фраз обычного закала
Вкруг ваших дум любовь моя блуждала.
Рассеянный, ловил я вашу речь,
Чтоб тайну дум из быстрых слов извлечь.
Как очи, речи той, кто заставляет
Быть грустным иль веселым, открывает,—
Как не спеши насмешливою быть,—
Все, что она в душе желает скрыть.
Вчера ушел я, полный упоенья:
И тщетная ль надежда наслажденья
В моей душе обманчивый льет свет?
Конечно нет! Не правда-ли, что нет?

* * *

Тесный, светлый круг под лампой; очага мерцанье;
На ладонь виском прилягу; тихое мечтанье;
Взор, блуждающий в лазури ненаглядных глаз;
Час дымящегося чая, книг закрытых час;
Радость чувствовать душою вечера склоненье;
Восхитительная томность, страстное хотенье,
Чтоб упала брачной ночи сладостная тень,—
Вот к чему мечтою нежной каждый Божий день
Я без усталости стремился месяцы, недели,—
И в отсрочках беспрестанных грезы не хладели.

* * *

То будет жарким летом в полдень ясный:
Сдружится солнце с радостью моей,
И новый блеск придаст красе твоей
В волнах одежд шелковой и атласной.

Как на шатре, на небе голубом
Роскошно всюду складки затрепещут,
Надеждою глаза у нас заблещут,
И счастье промчится над челом.

И нежный ветер к вечеру проснется,
Твою вуаль колыша и струя,
И мирных звезд далекая семья
Супругам благосклонно улыбнется.

* * *

Почти боюсь, — так сплетена
Вся жизнь плененного поэта
С мечтой блистающей, — все лето
В моей душе царит она.

Ваш милый лик воображенье
Не утомляется чертить.
Вам нравится и вас любить —
Лишь в этом все мое стремленье.

И трепещу, и поражен, —
Простите искреннее слово, —
Что ваш единый взгляд готова
Почтить душа, как свой закон,

Что вам довольно слова, взгляда
Или движенья одного,
Чтобы из рая моего
Меня повергнуть в бездну ада.

Нет, я б хотел от вас бежать, —
Но пусть бы душу ожидали
Неизмеримые печали,
Я не устал бы повторять,

Восторгом душу наполняя
И упованьем лучших дней,
Наперекор душе моей:
Я вас люблю, о дорогая!

* * *

Прошла зима, и теплое сиянье
Меж ясной твердью и землей дрожит,
И разлитое в небе обаянье
Печальнейшее сердце покорит.

И сам Париж, больной и злой, встречает
Румяную зарю, как верный друг,
И кажется, объятья простирает
С румяных кровель тысячами рук.

Уж целый год душа цветет весной,
Прелестный май опять несет цветы,
И как огонь к огню течет рекою,
К моей мечте приводит он мечты.

Невозмутимая лазурь широко
Блестит, — смеется в ней моя любовь.
Весна прекрасна, счастлив я глубоко,
И к цели близки все надежды вновь.

Пусть весна пройдет, пройдет и лето,
За осенью воротится зима.
Мне радостны все перемены света,
Краса воображенья и ума.

ИЗ КНИГИ «FÊTES GALANTES»

ЛУННЫЙ СВЕТ.

Твоя душа, как тот заветный сад,
Где сходятся изысканные маски,—
Разряжены они, но грустен взгляд,
Печаль в напеве лютни, в шуме пляски.

Эрота мощь, безоблачные дни
Они поют, в минорный лад впадая,
И в счастье не веруют они,
И, песню их с лучом своим свивая,

Луна лесам и сны, и грезы шлет,
Луна печальная семье пернатой,
И рвется к ней влюбленный водомет,
Нагими мраморами тесно сжатый.

ФАВН.

Плешивый фавн из темной глины,
Плохой конец благих минут
Вещаю нам, среди куртины
Смеется дерзко, старый плут,

Над тем, что быстрые години
Нас к этим праздникам ведут,
Где так грохочут тамбурины,
Но где кручины стерегут.

ИЗ КНИГИ «ROMANCES SANS PAROLES»

* * *

*Le vent dans la plaine
Suspend son halein.
(Favart).*

Это — нега восхищенья,
Это — страстные томленья,
Это — трепеты лесов,
Свежим веяньем объятых,
Это — в ветках сероватых
Хор чуть слышных голосов.

О прохладный, слабый ропот!
И чириканье, и шепот,—
Ветер веет над травой,
Вопли нежные срывая...
Тут сказала б: то глухая
Качка камней под водой.

В этой жалобе ленивой
Слышен плач души тоскливой, —
Ах, не нашей ли души?
Не моя ль с твоей, скажи мне,
Тихо млеют в кротком гимне
Влажным вечером в тиши?

* * *

Il pleut doucement sur la ville.
(*Arthur Rimbaud*).

Слезы в сердце моем,—
Плачет дождь за окном.
О, какая усталость
В бедном сердце моем!

Шуму проливня внемлю.
Бьет он кровлю и землю,—
Много в сердце тоски,—
Пенью проливня внемлю.

Этих слез не пойму,—
Не влечет ни к чему
Уж давно мое сердце.
Что жалеть,— не пойму.

Тяжелей нет мученья,—
Без любви, без презренья,
Не понять, отчего
В сердце столько мученья.

(Второй перевод)

В слезах моя душа, —
Под проливнем селенье;
Унынием дыша,
О чем грустит душа?

Потоки дождевые
По кровлям, по земле!
В минуты скуки злые
О, песни дождевые!

О, слезы без причин
В душе, что провожает
Измены без кручин!
Мой траур без причин.

Вот горшее страданье:
Не знаешь, отчего,
Чужда очарованья,
Душа полна страданья!

(Третий перевод)

На сердце слезы упали,
Словно на улице дождик.
Что это, что за печали
В сердце глубоко упали?

Дождика тихие звуки,
Шум по земле и по крышам,
Сердцу в томлениях скуки
О, мелодичные звуки!

Слезы твои без причины, —
Сердце, ведь ты же боролось
С непостоянством судьбины!
Траур надет без причины.

Вряд ли есть худшее горе:
Даже не знать, отчего же,
Не примиряясь, не споря,
Сердце исполнено горя.

* * *

Мне кротко грезится под шепотом ветвей
Былых бесед живое очертанье;
Предчувствую, сквозь звучное мерцанье,
О бледная любовь, зарю грядущих дней.

Моя душа и сердце бредом жарким
Слиты, как глаз двойной, — увы, трепещет в нем
Неведомая песнь, и непогодным днем
Со всех сторон звучит призывом ярким.

О, если бы теперь пришла ты, смерть моя,
Пока любовь колеблется с тоскою
Меж старых снов и жизнью молодою!
О, как бы в зыбке той неслышно умер я!

* * *

Возлагать не будем друг на друга путы, —
Это соблюдая, счастливы мы станем;
Если жизнь пошлет нам грозные минуты,
Что ж, поплачем вместе, да и перестанем.

Родственные души, свой обет неясный
Сочетать должны мы с кротостью наивной,
И, толпы чуждаясь, мы четой согласной
Побредем в забвеньи жизни, нам противной.

Будем, как малютки, будем как девицы, —
Все их удивляет, их пустяк пленяет.
Побледнев под тенью отчей смоковницы,
Что они невинны — ни одна не знает.

(Второй перевод)

Научися, мой друг, забывать и прощать.
Вот тогда мы с тобою счастливыми будем.
Если жизнь нам захочет печали послать,
Мы заплачем легко и легко позабудем.

Души — сестры у нас, — примешаем легко
Мы к обетам своим юных дней наслажденье —
От мужей и от жен уходить далеко,
И вражде в нас ответит лишь холод забвенья.

Будем верной четой, как чета этих дев,
Что в пустяк влюблены и всему-то дивятся,
И под девственной сенью грабин, побледнев,
Даже знают навряд, что грехи им простятся.

* * *

В полях кругом
В тоске безбрежной
Снег ненадежный
Блестит песком.

Как пыль металла,
Лазурь тускла.
Луна блуждала,
И умерла.

Дрожат, как спьяна,
В дубраве той
Дубы толпой
Среди тумана.

Как пыль металла,
Лазурь тускла.
Луна блуждала,
И умерла.

О, ворон жадный
И тощий волк,
Что ждет ваш полк
Зимой нещадной?

В полях кругом
В тоске безбрежной
Снег ненадежный
Блестит песком.

* * *

*Le rossignol qui du haut
d'une branche se regarde
dedans, croit être tombé
dans la rivière. Il est au
sommet d'un chene et
toutefois il a peur de se
noyer.*

(Syrano de Bergerac).

Встает туман с реки, и тень деревьев тонет,
Как в дымные струи,
А наверху, в ветвях, рой горлиц грустно стонет
Про бедствия свои.

О, странник, бледен ты, — бледна вокруг долина,
Как здесь на месте ты!
Как плачет над тобой в ветвях твоя кручина
Про мертвые мечты!

(Второй перевод)

Тени ив погасли за туманною рекою,
 Как за дымной пеленою,
Между тем ты слышишь, там, вверху, на этих ивах,
 Пенье горлинок тоскливых.

Как тебе он близок, этот вид природы, бледной,
 Как и ты, о странник бедный!
Не твои ль надежды плачут там, в листве высокой
 Над тобою, одинокий?

(Третий перевод)

С реки туман встает, как дым,
И тонет тень дерев за ним,
А в ветках птицы там и тут
О чем-то жалобно поют.

Как эта ночь тебе родна,
О, странник, бледный, как она!
Как жалко плачет над тобой
Твоих надежд погибших рой?

* * *

BRUXELLES.

Simple fresques.

В дали зелено-красной
Долины и холмы
Под дымкой полутьмы
Бегут чредой неясной.

На золоте пучин
Все больше красных полос.
В деревьях без вершин
Чуть слышен птичий голос.

Приметы сглажены слегка
Поры осенней, скучной,
И песней однозвучной
Рассеяна тоска.

(Второй перевод)

В зелено-алой дали
Долины тонут и холмы,
И лампы с морем зыбкой тьмы
Свой слабый свет смешали.

Сквозят из тканей золотых
Кровавые пучины,
И голос слабой птицы тих
В деревьях без вершины,

И осень прячется слегка
С медлительностью скучной,
И грезит томная тоска
Под шепот однозвучный.

GREEN.

Покорно приношу с цветами и плодами
Я сердце вам мое, что бьется лишь для вас.
О, не разбейте сердце белыми руками,
Да будет мил мой дар для ваших нежных глаз.

Я к вам пришел, покрыт предутренней росой,
С челом, обвеянным дыханием ветров.
Склоняюсь у ваших ног, предамся я покою,
С мечтой о прелестях пленительных часов.

Позвольте к вам на грудь мне головой склониться.
Последний поцелуй звучит еще на ней.
У сердца вашего позвольте мне забыться,
Забыться вашим сном, от непогодных дней.

СПЛИН.

Розы были слишком красны,
Были так плющи темны!

Дорогая, как опасны
Эти прелести весны!

Небо сине, небо нежно,
В море блещет радость дня.

Я страдаю безнадежно, —
Вдруг покинешь ты меня!

Эти нивы без предела,
Эти яркие цветы, —

Все мне страшно надоело,
Не наскучила лишь ты.

* * *

Ну-тка, спляшем джигу.

Любил я глазки голубые;
Они, как звездочки живые,
Горели, глазки эти злые.

Ну-тка, спляшем джигу.

Искусство было ей известно —
Озлить любовника чудесно,
И это было так прелестно!

Ну-тка, спляшем джигу.

Когда же страсть навек промчалась,
Еще прекрасней мне казалась
Ее цветущих губок алость.

Ну-тка, спляшем джигу.

О ней, о ней воспоминанья...
Те поцелуи, те свиданья —
Души благое достоянье.

Ну-тка, спляшем джигу.

BEAMS.

Был ветер так нежен, и даль так ясна,—
Ей плыть захотелось в открытое море.
За нею плывем мы, с шалуньей не споря,
Соленая нас охватила волна.

На тверди безоблачной небо сияло,
И золотом рдело в ее волосах,—
И тихо качалась она на волнах,
И море тихонько валы развивало.

Неспешные птицы вились далеко,
Вдали паруса, наклоняясь, белели,
Порой водоросли в воде зеленели,—
Мы плыли уверенно так и легко.

Она оглянулася с кроткой улыбкой,
Не веря, что мы не боимся волны,
Но радостью плыть с ней мы были полны,—
Плывет она снова дорогою зыбкой.

*Douvres.— Ostende, a bord de la Comtesse
de Flandre. 4 Avril 1873.*

ИЗ КНИГИ «CHANSONS POUR ELLE»

* * *

Я не имею
Копейки медной за душой, —
Но я владею
Тобою, друг желанный мой.
С игрой и пляской
Творишь ты радостный обряд.
Какою лаской
Твои слова всегда горят!

Внимаю ль речи
Твоей живой, ловлю ль твой взгляд,
Нагие ль плечи
Твои лобзаю, — я богат.
На отдых нежный
Склонился я — и вмиг весь пыл
На белоснежной
Твоей груди восстановил.

Конечно, мало,
Увы! любим тобою я:
Ты изменяла
Мне часто, милая моя.
Но что за дело
Мне до измен твоих, когда
Ты завладела
Моей душою навсегда!

* * *

Я враг обманам туалета.
Твой взор закрыла вуалетта, —
И мне затмила небеса.
Как ненавистны мне турнюры!
Достойна ль злой карикатуры
Твоя столь пышная краса?

Глядеть на платье мне досадно:
Оно скрывает беспощадно
Нежнейший цвет красоты твоей:
И крошку ножку чародейку,
И обольстительную шейку,
И скаты дивные плечей.

А ну их, дам, одетых модно!
Хитон, колеблемый свободно,
Сорочка, — вот в чем ты мила, —
Покров мистерии столь нежной,
И знамя битвы, где, прилежный,
Одoleвал я без числа.

* * *

Вот осень наступила,
И строго запретила
Привычки лета длить.
Холодные недели
Придется нам в постели,
Ласкаясь, проводить.

А летом, — что за скука!
Одна и та же мука:
«Ах, душно мне, — заснем!»
Не жизнь, а сна вериги.
Мы скучны, точно книги...
Вот осень, отдохнем.

Доступны снова счастью,
Мы запыхаем страстью,
Когда придет зима;
Мы будем пылки оба,
Так пылки, точно злоба,
Иль точно плоть сама.

* * *

Непорочна ты иль нет,
Мне то что за дело!
Вижу нежно-алый цвет
Молодого тела, —
Этой тихою зарей,
В милый час вечерний,
На вершине снеговой
Кущи роз без терний.
Сколько страсти и огня,
Сколько наслажденья
Принесла ты для меня
В ночь соединенья!
Души? вечность? вздор какой!
Нам то что за дело!
Над нелепостью такой
Мы смеемся смело.

На земле себе найдем
Вечное жилище, —
Мы не на небо пойдем, —
Только на кладбище.
Надо ж пользоваться здесь
Жизнью быстролетной,
И до дна напитков весь
Выпить искрометный.
В дни желаний и страстей
Надо нам влюбляться,
Как рокошет соловей,
Как ручьи струятся.

ИЗ КНИГИ «JADIS ET NAGUÈRE»

СБОР ВИНОГРАДА.

О, что в душе моей поет,
Когда с рассудком я в разлуке?
Какие сладостные звуки!
То кровь поет, и вдаль зовет.

То кровь и плачет, и рыдает,
Когда душа умчится вдруг,
Неведомый услыша звук,
Который тотчас умолкает.

О, кровь из виноградных лоз!
О ты, вино из вены черной!
Играйте, пойте! Чары грез

Несите нам! Четою проворной
Гоните душу, память прочь,
И на сознание киньте ночь!

ИЗ КНИГИ «SAGESSE»

* * *

Я в черные дни
Не жду пробужденья.
Надежда, усни,
Усните, стремленья!

Спускается мгла
На взор и на совесть.
Ни блага, ни зла, —
О, грустная повесть!

Под чьей-то рукой
Я — зыбки качанье
В пещере пустой...
Молчанье, молчанье!

* * *

Небо там над кровлей
Ясное синееет.
Дерево над кровлей
Гордой сенью веет.

С неба в окна льется
Тихий звон и дальний.
Песня птички льется
С дерева печально.

Боже мой! те звуки
Жизнь родит простая;
Кротко ропщут звуки,
Город оглашая.

«Что с собой ты сделал?
Ты богат слезами...
Что ты, бедный, сделал
С юными годами?»

(Второй перевод)

Синева небес над кровлей
Ясная такая!
Тополь высится над кровлей,
Ветки наклоня.

Из лазури этой в окна
Тихий звон несется.
Грустно с веток этих в окна
Песня птички льется.

Боже мой! я звуки слышу
Жизни мирной, скромной.
Город шепчет мне, — я слышу
Этот ропот томный:

«Что ты сделал, что ты сделал?
Исходя слезами,
О, подумай, что ты сделал
С юными годами!»

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ В КНИГУ 1908 г.
ВАРИАНТЫ.**

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В КНИГУ

Из книги «Poèmes Saturniens»

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ.

О, струнный звон,
Осенний стон,
Томный, скучный.
В душе больной
Напев ночной
Однозвучный.

Туманный сон
Былых времен
Ночь хоронит.
Томлюсь в слезах,
О ясных днях
Память стонет.

Душой с тобой,
О ветер злой,
Я, усталый.
Мои мечты
Уносишь ты,
Лист увялый.

Из книги «Fêtes galantes»

НА ТРАВЕ.

Аббат хмелен. Маркиз, ого!
Поправить свой парик сумей-ка.
— Вино из Кипра, Камарго,
Не так пьянит, как ваша шейка.

— Огонь мой... — До, ми, соль, ля, си.
— Аббат, ты распахнул сутану.
— О дамы, черт меня носи,
Коль с неба звезд вам не достану.

— Собачкой стать бы — не беда.
— Одну, другую, поцелуем
Пастушек наших. — Господа!
— До, ми, соль. — Эй, луна, пируем!

В ПЕЩЕРЕ.

О, как вы мучите сердца!
Умру пред вашими ногами.
Тигрицу Гиркании сравнивая с вами,
Скажу: ты — кроткая овца!

Да, здесь, жестокая Климена,
Тот меч, который метче стрел
От Сципионов, Киров жизнь отнять умел,
Освободит меня из плена.

Да и не он мне мне путь открыл
На элизийские поляны,
Лишь взор мне ваш блеснул, — стрелюю острой,
рдяной
Амур мне сердце поразил.

ПИСЬМО.

Далек от ваших глаз, сударыня, живу
В тревоге я (богов в свидетели зову);
Томиться, умирать — мое обыкновенье
В подобных случаях, и, полный огорченья,
Иду путем труда, со мною ваша тень,
В мечтах моих всю ночь, в уме моем весь день.
И день, и ночь во мне восторг пред ней не стынет.
Настанет срок, душа навеки плоть покинет,
Я призраком себя увижу в свой черед,
И вот тогда среди мучительных забот
Стремиться буду вновь к любви, к соединенью,
И тень моя навек сольется с вашей тенью!

Теперь меня, мой друг, твоим слугой считай.
А все твое: твой пес, твой кот, твой попугай —
Приятно ли тебе? Забавят разговоры
Всегда ль тебя, и та Сильвания, которой
Мне б черный глаз стал люб, когда б не синь был твой,
С которой слала ты мне весточки порой,
Все служит ли тебе наперсницею милой?
Но, ах, сударыня, хочу владеть я силой

Завоевать весь мир, чтобы у ваших ног
Сложить богатства все несметные в залог
Любви, пыланиям сердец великих равной,
Достойной той любви, во тьме столетий славной.
И Клеопатру встарь — словам моим внемли! —
Антоний с Цезарем любить так не могли.
Не сомневайтесь, сумею я сражаться,
Как Цезарь, только бы улыбки мне дожждаться.
И, как Антоний, рад к лобзанию убежать.

Ну, милая, прощай. Довольно мне болтать.
Пожалуй, длинного ты не прочтешь посланья,
Что ж время и труды мне тратить на писанье?

Из книги «La bonne chanson»

* * *

На солнце утреннем пшеница золотая
Тихонько греется, росой еще сверкая.
Ночную свежестью лазурь еще ясна.
Выходишь из дому, хоть незачем; видна
На волнах зыбких трав, текущих вдаль, желтея,
Ольхами старыми обросшая аллея.
Дышать легко. Порой, слетавши в огород,
Соломинку несет пичужка или плод;
За нею по воде мелькание отсвета.
Вот все.

Мечтателю мила картина эта,
Внезапной ласкою обвившая мечты
О счастья радостном, о чарах красоты,
Взлелеявшая вновь и нежные напевы,
И ясный блеск очей — весь облик юной девы,
Которой жаждет муж, которую поэт
Зовет обетами, — пусть им смеется свет,
Подруга наконец нашлась, которой вечно
Душа его ждала, тоскуя бесконечно.

Из книги «Romance sans paroles»

* * *

Вижу даль аллеяй.
Небо, быть светлей
Можно ль небесам?
В тайный свой приют
Нас кусты зовут, —
Знаешь, мило там.

Входит много бар —
Сам Ройе-Колар
С ними рад дружить —
Под дворцовый кров.
Этих стариков
Можно ль не почтить?

Весь дворец был бел,
А теперь зардел, —
То заката кровь.
Все поля кругом.
Пусть найдет свой дом
Наша там любовь.

Estaminet, Maison Jeune Renard, août 1872

* * *

Как фантастично появленье
Реки средь улиц, и теченье
Там за стеною футов в пять!
Она не плещет в берег мгlistый
Волною темною, но чистой,
Предместьям не мешает спать.

В разливе мертво-желтом, полном
Один лишь дым приникнет к волнам,
И пусть заря зажжет, скользя,
Коттеджи, желтый или черный,
За набережную просторной
Им отразиться в ней нельзя.

Paddington

РЕБЕНОК-ЖЕНЩИНА.

Не понимали вы, как я был прост и прав,
О бедное дитя!
Бежали от меня, досаде волю дав,
Судьбой своей шутя.

Лишь кротость отражать, казалось бы, очей
Лазурным зеркалам,
Но столько желчи в них, сестра души моей,
Что больно видеть нам.

Руками нежными так замахали вы,
Как взбешенный герой,
Бросая резкий крик, чахоточный, увы!
Вы, в ком напевный строй!

Насмешливых и злых боитесь вы, и гром
Заставит вас дрожать,
Овечка грустная, — вам плакать бы тайком,
Обнявши нежно мать.

Любви не знали вы, — несет и свет, и честь
Бестрепетно она,
Спокойна в добрый час, но крест умеет несть
И в смертный час сильна.

БЕДНЫЙ МОЛОДОЙ ПАСТУХ.

Поцелуя боюсь,
Как пчелиного жала,—
Изнываю, томлюсь,
Даже сплю очень мало:
Поцелуя боюсь.

Все же Катю люблю я,—
Катя — снега белей;
Вспоминаю, тоскуя,
Ласку милых очей,—
Нежно Катю люблю я.

Валентинова дня
Целования с нею
Я боюсь как огня.
Я робею, робею
Валснтинова дня.

Жду минуту венчанья,
Катя будет моя.
Но какие страданья
Пережить должен я
До минуты венчанья!

Поцелуя боюсь,
Как пчелиного жала, —
Изнываю, томлюсь,
Даже сплю очень мало:
Поцелуя боюсь.

РАКОВИНЫ.

У каждой раковины здесь,
В том гроте, где любовь нас грела,
Особая примета есть.

Одна из них порозовела
Багрянцем крови тех ночей,
Когда я жег, а ты горела.

Другая бледностью своей
Напомнит лик твой, раздраженный
Насмешкою моих очей.

Вот в этой, нежно округленной,
Твое ушко я вижу, в той —
Затылок алый, благовонный;

Но изо всех — смущен одной...

O TRISTE, TRISTE ÉTAIT MON ÂME.

Душе какие муки, муки
Быть с нею, с нею быть в разлуке!

Покоя нет в разлуке с ней,
В разлуке с ней души моей.

Далеко сердце от нее,
О сердце нежное мое!

Покоя нет в разлуке с ней,
В разлуке с ней души моей!

И сердце, сердце, что болит,
Душе — возможно ль? — говорит,

Возможно ль в муке без нее
Изгнанье гордое мое?

Душа в ответ: как знать! как знать!
Что может это означать —

В изгнании, но подле жить,
Расставшись с ней, все с нею быть.

BIRDS IN THE NIGHT.

У вас, мой друг, терпенья нет нимало,
То решено судьбою неизбежной.
Так юны вы! всегда судьба вливала
Беспечность, горький жребий в возраст нежный!

Увы, и то меня не удивит,
Что кроткой быть вам не пришла пора:
Так юны вы, что сердце ваше спит,
О вы, моя холодная сестра!

В душе моей безгрешное прощенье,
Не радость, нет, — покой души бесстрастен,
Хоть в черный день я полон сожаленья,
Что из-за вас глубоко я несчастен.

Вы видите: не ошибался я,
Когда в печали говорил порой:
Блестят у вас глаза, очаг былой
Моих надежд, измену затая.

И клялись вы, что лживо это слово,
Ваш взор горел, как пламя в новой силе
Когда в него ветвей подбросят снова
Люблю тебя! вы тихо говорили.

Из книги «Jadis et Naguère»

КАЛЕЙДОСКОП.

В том городе в мучительной земле
Настанет вновь, как встарь жилось кому-то,
И страшная, и горькая минута.
О, это солнце, скрытое во мгле!

О, этот крик в морях! О, вопль дубравный!
Как в старину, проснется не спеша,
Перерожденья кончивши, душа
И мир найдет, былому миру равный,

В той улице средь города мечты,
Где в ночь орган сыграет плясовую,
Где будет музыка напропалую,
Где замурлычат в лавочках коты.

Все неизбежно будет, как могила:
Вдоль щек смиренные потоки слез,
Рыданья смеха в трескотне колес
И зовы: «Смерть, хоть ты б освободила!»

Букет увялый, древний перепев!
Народный бал опять назойлив станет.
Вдова повязкою свой лоб затянет,
Да и пойдет в среде продажных дев,

Что шляются с толпою развращенной
Мальчишек и поганных стариков,
И ротозеи треском бураков
Потешатся на площади зловонной.

И будет так, как будто кто заснул,
Едва проснувшись, — и опять он в этом
Волшебном мире, убаюкан летом
Под шум травы и пчел волнистый гул.

ПЬЕРО.

Уж не такой, как встарь, мечтавший под луной,
Смешивший прадедов с высокого балкона,
К нам с мертвою свечой, со смехом горше стона
Приходит призраком он, бледный и худой.

И, ветром взвеванный среди грозы ночной,
В протяжном ужасе цвет блеклый балахона
Подобен савану; уста, как рот дракона,
Который корчится от муки гробовой.

Он белым рукавом, шумящим мягко в мраке,
Как крылья птиц ночных, дает такие знаки,
Что кто б ответить мог мельканьям странных рук?
В пещере глаз больших таится фосфор; тлея,
Лицо и острый нос для нас еще страшнее,
Мукой осыпаны, как пылью смертных мук.

Из книги «Sagesse»

* * *

Меня в тиши Беда, злой рыцарь в маске, встретил
И в сердце старое копьё свое уметил.

Кровь сердца старого багряный мечет взмах
И стынет, дымная, под солнцем на цветах.

Глаза мне гасит мрак, упал я с громким криком,
И сердце старое мертво в дрожаньи диком.

Тогда приблизился и спешился с коня
Беда, мой рыцарь злой, и тронул он меня.

Железом скованный, влагая перст глубоко
Мне в язву, свой закон вещает он жестоко,

И от касания холодного перста
И сердце ожило, и честь, и чистота,

И, к дивной истине так пламенно-ревниво,
Вновь сердце молодо в груди моей и живо.

Дрожу под тяжестью сомнений и тревог,
Но упоен, как тот, кому явился Бог.

А добрый рыцарь мой на скакуна садится,
Кивает головой пред тем, как удалиться,

И мне кричит (еще я слышу голос тот):
— Довольно в первый раз, но берегись вперед!

* * *

И красота, и слабость женщин, их печали,
И руки бледные, источник благ и зла,
Глаза, где жизнь почти все дикое сожгла,
Оставив то, пред чем мучители дрожали,

И с лаской матери, когда бы даже лгали
Уста, всегда их голос! Призыв на дела,
Иль добрый знак, иль песнь, когда застигнет мгла,
Или рыданье, умершее в складках шали!..

Как люди злы! Как жизнь нелепа и груба!
Ах! Если б нам не поцелуи, не борьба,
Осталось нечто доброе в верховном круге,

Что зародилось в сердце детском и простом,
И честь, и милость! Это — верные подруги,
Иное что останется, когда умрем?

* * *

Послушай нежной песни лепет.
Она заплачет, утешая,
Такая скромная, простая,
Как ручейка над мхами трепет.

Нам ведома и вождедена,
Теперь она звучит из дали,
И, как вдова из-за вуали,
Глядит печально, но надменно.

Злой ветер, налетая с ревом,
Не вскроет тайны покрывала,
Но сердцу ясен блеск фиала
Небесной правды под покровом.

Нам ведомая, повторяет,
Что наша ненависть и злоба
Бесследно канут в бездну гроба,
И лишь добро не умирает,

И, говорит, какая радость —
Простая жизнь без ожидания,
И ясным золотом венчанье,
И мира без победы сладость.

Звучит, с холодным ветром споря,
Наивная эпиталама;
Великолепнее нет храма,
Чем храм утешенного горя.

Подобна страннице бездомной
Душа, безгневная в томленьи.
Как ясны все ее ученья!
Внимай урокам песни скромной.

* * *

Как нежно вы меня ласкали
Так незадолго до разлуки,
О эти маленькие руки,
Которыми мои печали,

Мои томленья и скитанья
И в близких, и в далеких странах
Под ясным солнцем и в туманах
Преображались в мечтанья!

Все к ним тоска моя стремится,
Но разгадаю ли их знаки
Душе, которая во мраке
Зловещем никнет и томится?

О непорочное виденье,
Приходишь ли ты с вестью верной
О нашей родине безмерной,
Где тесное соединенье?

О руки, власть благословенья,
И скорбь, и кроткие упреки,
И освященные зароки,
О, дайте, дайте знак прощенья!

* * *

Сын громадных поселений
И презренных возмущений,
Здесь я все, о чем мечтал,
Отыскал и все познал,
Но все — призрак, все убого,

Все спешило отцвести.
Я легко сказал «прости»
Наслажденью, даже счастьем,
С каждой я расстался страстью
Вне тебя, мой милый Бог!

Поднял крест меня на крылья,
Дал мне лучшие усилья
Устремляться к чистоте,
К тишине, к святой мечте
Целомудренно и строго.

Умиление, мне подай
Сладких рос отрадный рай,
Погрузи в живую воду,
Сердцу дай одну свободу —
Умереть у Божьих ног!

ВАРИАНТЫ

Из книги «Poèmes Saturniens»

ТОСКА.

Меня не веселит ничто в тебе, Природа:
Ни хлебные поля, ни отзвук золотой
Пастушеских рогов, ни утренней порой
Заря, ни красота печального захода.

Смешно Искусство мне, и Человек, и ода,
И песенка, и храм, и башни вековой
Стремленье гордое в небесный свод пустой,
Что мне добро и зло, и рабство, и свобода!

Не верю в Бога я, не обольщаюсь вновь
Наукою, а древняя ирония, Любовь,
Давно бегу ее в презренье молчаливом.

Устал я жить, и смерть меня страшит. Как челн,
Забывтый, зыблемый приливом и отливом,
Моя душа скользит по воле бурных волн.

GROTESQUES.

Не опасаясь ни лишений,
Ни утомленья, ни тоски,
Они дорогой приключений
Идут, в лохмотьях, но дерзки.

Мудрец казнит их речью ловкой,
Глупец становится в тупик,
Девицы дразнят их издевкой,
Мальчишки кажут им язык.

Конечно, жизнь их ядовита,
Они презренны и смешны,
Они напоминают чьи-то
Во тьме ночной дурные сны.

Гнусят! Над резкою гитарой
Блуждает вольная рука.
В их странных песнях ропот ярый,
По горней родине тоска;

В глазах то плачет, то смеется
Любовь, наскучившая нам,
К тому, что вечно остается,
К давно почившим и к богам.

— Блуждайте ж, отдыха не зная,
Людьми отвергнутой толпой
У двери замкнутого рая,
Над грозной бездною морской.

С природой люди дружны стали,
Чтобы казнить вас поделом
За то, что гордые в печали
Идете с поднятым челом,

И вас, отмщая дерзновенных
Надежд высокомерный пыл,
Встречает на пути забвенных
Природа схваткой грубых сил.

То зной сжигает ваше тело,
То холод в кости вам проник;
Горячка кровью овладела,
Терзает кожу вам тростник.

Все гонят вас с ожесточеньем,
А после смерти роковой
И волк посмотрит с отвращеньем
На труп холодный и худой.

LA CHANSON DES INGÉNUES.

Мы наивны, синеглазки
Из романов старых лет.
Наши гладкие повязки,
Как и нас, забыл весь свет.

Мы дружны необычайно.
Дня лучи не так чисты,
Как заветных мыслей тайна.
Как лазурь, у нас мечты.

На поляны убегаем,
Лишь спадет ночная тень,
Ловим бабочек, болтаем
И смеемся целый день.

Под соломенные шляпки
К нам загару нет пути.
Платья — легонькие тряпки,
Где белей могли б найти!

Ришелье, иль де-Коссады,
Или кавалер Фоблаз
Завлекают нас в засады
Нежных слов и томных глаз.

Но напрасны их повадки,
И увидят лишь одни
Иронические складки
Наших юбочек они.

Дразнит их воображенье,
Этих всех сорвиголов,
Наше чистое презренье,
Хоть порой от милых слов

Начинает сердце биться
В обаяньи тайных дум
И в предвевеньи, — влюбиться
Не пришлось бы наобум.

СЕРЕНАДА.

То не голос трупа из могилы темной,
Я перед тобой.
Слушай, как восходит в твой приют укромный
Голос резкий мой.

Слушай, мандолине душу открывая,
Как звучит струна:
Про тебя та песня, льстивая и злая,
Мною сложена.

Я спою про очи: блеск их переливный —
Золото, оникс.
Я спою про Лету груди, и про дивный
Темных кудрей Стикс.

То не голос трупа из могилы темной,
Я перед тобой.
Слушай, как восходит в твой приют укромный
Голос резкий мой.

Тело молодое, как и подобает,
Много восхваляю:
Вспомнив, как роскошно плоть благоухает,
По ночам не сплю.

Завершая песню, воспою лобзанья
Этих алых губ,
И твою улыбку на мои страданья,
Ангел! душегуб!

Слушай, мандолине душу открывая,
Как звенит струна:
Про тебя та песня, льстивая и злая,
Мною сложена.

Из книги «Fêtes galantes»

ЛУННЫЙ СВЕТ.

Твоя душа — та избранная даль,
Где маски мило пляшут бергамаску.
Причудлив их наряд, а все ж печаль,
Звуча в напеве струн, ведет их пляску.

Амура мощь, безоблачные дни
Они поют, в минорный лад впадая,
И в счастье не веруют они,
В лучи луны романсы облекая.

И льются в тихий, грустный свет луны
Мечтанья птиц среди ветвей и взлеты
К луне светло рыдающей волны,
Меж мраморов большие водометы.

Из книги «La bonne chanson»

* * *

Все прелести и все извивы
Ее шестнадцатой весны
По-детски простодушно живы
И нежностью упоены.

Очами райского мерцанья
Она умеет, хоть о том
Не думает, зажечь мечтанья
О поцелуе неземном,

И этой маленькой рукою,
Где и колибри негде лечь,
Умеет сердце взять без бою
И в безнадежный плен увлечь.

Душе высокой в помощь разум
Приходит, чтобы нас пленить
Умом и чистотою разом:
Что скажет, так тому и быть!

И если жалости не будит
Безумство в ней, а веселит,
То музой благосклонной будет
Она, и дружбой наградит,

И даже, может быть, — кто знает!-
Любовью смелого певца,
Что под окном ее блуждает
И ждет достойного венца

Для песни милой иль нескромной,
Где ни один неверный звук
Не затемняет страсти томной
И сладостных любовных мук.

* * *

Пока еще ты не ушла,
Звезда, бледна в тумане,
— Перепела
Поют, поют в тимьяне.—

Брось на поэта, в чьих очах
Огни любви зардели,
— В дневных лучах
Вот жаворонка трели,—

Твой взор, который поглотит
Заря лазурью неба.
— Восторг царит
Над зрелой нивой хлеба.—

Зажги мечту мою потом
Над дальним, дальним долом,
— Роса кругом
В сверкании веселом.—

Над спящей милою моей,
В пленительном покое.
— Скорей, скорей:
Вот солнце золотое!

* * *

Ночной луною
Бледны леса,
И под листвою
Все голоса
Несутся, тая...

О, дорогая.

Пруда отсветы —
Стекла разлив.
Там силуэты
От черных ив
И ветра слезы...

Вот час для грезы.

В дыханьях нежных
Идет покой
С высот безбрежных
Горы ночной,
Где звезд мерцанья...

Час обаянья.

* * *

Песня, улетай скорее,
Встреть ее и молви ей,
Что, горя все веселее
В сердце верном, рой лучей

Топит в райском озареньи
Всякую ночную тень:
Недоверье, страх, сомненье —
И восходит ясный день!

Долго робкая, немая,
Слышишь? В небе радость вновь,
Словно птичка полевая,
Распеваает про любовь.

Ты скажи в краю далеком,
Песнь наивная моя, —
Встречу лаской, не упреком,
Возвратившуюся я.

* * *

Очаг, и тесное под лампою мерцанье;
С ладонью на виске отрадное мечтанье;
Блужданье страстных глаз в лазури милых глаз;
И чай дымящийся, и книг закрытых час;
И сладость чувствовать конец беседы нежной,
И томность легкая, и к вам порыв мятежный,
О, тени брачные и сладостная ночь, —
Для этого мечта стремилась превозмочь
Отсрочки тщетные, и к вожденной цели
Тянулись месяцы и мчались недели.

* * *

Так, солнце, общник радости моей,
Поможет, знаю, летним полднем ясным
Стать вашей милой красоте, в атласном
Иль шелковом плену, еще милей;

Лазурь сольется в пышность трепетанья,
Шатер высокий в складках без границ,
И всю отгонит кровь от наших лиц
Волненье счастья и ожиданья;

А вечером спокойный звездный строй
Супругам благосклонно улыбнется
И вашу вуалью обовьется,
Играя нежно, ветерок ночной.

* * *

Почти боюсь, — так сплетена
Вся жизнь была минувшим летом
С мечтой, блистающею светом,
Так вся душа озарена.

Ваш милый лик воображенье
Не утомляется чертить.
Вам нравиться и вас любить —
Вот сердца вечное стремленье.

Простите, — повторю, смущен,
Слова признания простого —
Улыбка ваша, ваше слово
Отныне для меня закон.

И вам довольно только взгляда
Или движенья одного,
Чтобы из рая моего
Меня повергнуть в бездну ада.

Но лучше мне от вас бежать,
И пусть бы душу ожидали
Неисчислимые печали,
Я не устану повторять,

Встречая в счастьяи высоком
Надежд неизмеримый строй:
«Я вас люблю, я — вечно твой,
Не побежден суровым роком!»

* * *

Зима прошла: лучи в прохладной пляске
С земли до ясной тверди вознеслись.
Над миром разлитой безмерной ласке,
Печальнейшее сердце, покорись.

Вновь солнце юное Париж встречает,—
К нему, больной, нахмуренный от мук,
Безмерные объятья простирает
Он с алых кровель тысячами рук.

Уж целый год душа цветет весною,
И, зеленея, нежный флореаль
Мою мечту обвил иной мечтою,
Как будто пламя в пламенный вуаль.

Венчает небо тишью голубую
Мою смеющуюся там любовь.
Весна мила, обласкан я судьбою,
И оживают все надежды вновь.

Спешите к нам, лето! В смене чарований
За ним сменяйтесь, осень и зима!
Хвала тебе, создавшему все грани
Времен, воображенья и ума!..

Из книги «Chansons pour elle»

* * *

Я не имею
Копейки медной за душой,
Но я владею,
Моя проказница, тобой...
С игрой и с пляской
Творишь ты радостный обряд.
Какою лаской
Твои слова всегда горят!

Внимаю ль речи
Твоей живой, ловлю ль твой взгляд,
Нагие ль плечи
Твои целую, — я богат.
На отдых нежный
Склонился я — и вмиг весь пыл
На белоснежной
Твоей груди восстановил.

Конечно, мало,
Увы! любим тобою я:
Ты изменяла
Мне часто, милая моя.
Но что за дело
Мне до измен твоих, когда
Ты завладела
Моей душою навсегда!

* * *

Я не люблю тебя одетой, —
Лицо прикрывши вуалетой,
Затмишь ты небеса очей.
Как ненавистны мне турнюры,
Пародии, карикатуры
Столь пышной красоты твоей!

Глядеть на платье мне досадно —
Оно скрывает беспощадно
Все, что уводит сердце в плен:
И дивной шеи обаянье,
И милых плеч очарованье,
И волхование колен.

А ну их, дам, одетых модно!
Спешి прекрасную свободно,
Сорочка милая, обнять,
Покров алтарный мессы нежной,
И знамя битвы, где, прилежный,
Не уставал я побеждать.

* * *

Вот осень наступила
И строго запретила
Привычки лета длить.
Холодные недели
Загонят нас в постели,
Ласкаться и любить.

А летом — что за скука!
Одна и та же мука:
«Ах, душно мне, — заснем!»
Не жизнь, а сна вериги.
Мы скучны, точно книги.
Вот осень, отдохнем.

Как угли в печке рдеют,
Уста у нас алеют,
Зима ведет любовь,
И запылаем сами
Мы пламенней, чем пламя,
И пламенней, чем кровь.

* * *

Не надо ни добра, ни злости,
Мне дорог цвет слоновой кости
На коже ало-золотой.
Иди себе путем разврата,
Но как лелеют ароматы
От этой плоти, боже мой!

Безумство плоти без предела,
Меня лелеет это тело,
Священнейшая плоть твоя!
Зажженный страстностью твоею,
От этой плоти пламенею,
И, черт возьми, она — моя!

До наших душ нам что за дело!
Над ними мы смеемся смело, —
Моя душа, твоя душа!
На что нам райская награда!
Здесь, на земле любить нам надо,
И здесь нам радость хороша.

Но здесь нам надо торопиться,
Недолгим счастьем насладиться,
Самозабвения вкусить.
Люби же, злая баловница,
Как льются воды, свищет птица, —
Вот так и мы должны любить.

Из книги «Romance sans paroles»

* * *

Я угадываю сквозь шептанья
Тонкий очерк голосов летийских
И в сияньи светов мусикийских
Бледную любовь, зарю мечтанья!

Сердце и душа томятся жаждой,—
В них дано не зренье ль мне двойное,
Где дрожат сквозь марево дневное
Песенки, увы! от лиры каждой?

Умереть бы так, как отлétели
Те часы изгнания и рая,
Что Амур качал, мне угрожая!
Умереть бы в этой колыбели!

* * *

Знайте, надо миру даровать прощенье,
И судьба за это счастье нам присудит.
Если жизнь пошлет нам грозные мгновенья,
Что ж, поплачем вместе, так нам легче будет.

Мы бы сочетали, родственны глубоко,
С детской простотою кротость обещаья
От мужей, от жен их отойти далеко
В сладостном забвеньи горестей изгнанья.

Будем, как две девы, — быть детьми нам надо,
Чтоб всему дивиться, малым восхищаться,
И увязнуть в тенях непорочных сада,
Даже и не зная, что грехи простятся.

* * *

Деревьев тень в реке упала в мрак туманный,
Словно в саван, дымом тканый,
И плачет в воздухе там, с веток настоящих,
Песня горлинок неспящих.

Так метко отражен в картине этой бледной
Ты, сам бледный, странник бедный,
И высоко в листве заплакали, так жалки,
Всех твоих надежд русалки!

БРЮССЕЛЬ.**Простые фрески.**

И холмы и долов дали
В розы, в прозелень одеты.
Лампы зыбко в полусветы
Очертанья все смешали.

На смиренные пучины
Кровь сквозь золото пылает.
На деревьях без вершины
Птичка слабо запеваet.

Так душе моей знакомы
Лики осени докучной.
Ветер все мои истомы
Убаюкал, однозвучный.

МУРАВА.

Вот ветки с листьями, с цветами и плодами,
И сердце — только вам его я посвятил.
Его ли растерзать вам белыми руками!
Да будет скромный дар глазам, столь ясным, мил.

Я прихожу, еще обветренный с дороги
И весь обрызганный холодной росой.
Усталости моей позвольте ваши ноги
Обвить мечтаньями, дарящими покой.

На грудь к вам головой склониться не мешайте,
Лобзанья звучного я не успел забыть.
Мне успокоиться от милой бури дайте
И в вашей тишине недолгий сон вкусить.

СПЛИН.

Алеют слишком эти розы,
И эти хмели так черны.

О дорогая, мне угрозы
В твоих движениях видны.

Прозрачность волн, и воздух сладкий,
И слишком нежная лазурь.

Мне страшно ждать за лаской краткой
Разлуки и жестоких бурь.

И остролист, как лоск эмали,
И букса слишком яркий куст,

И нивы беспредельной дали —
Все скучно, кроме ваших уст.

* * *

Станцуем джигу!

Любил я блеск ее очей.
Они небесных звезд светлей,
И много ярких в них огней.

Станцуем джигу!

С влюбленными она была,
Неотразимая, так зла
И в самой злости так мила!

Станцуем джигу!

Но розы уст милей цветут,
Когда уйдем из хитрых пут,
Когда мечты о ней умрут.

Станцуем джигу!

И вспоминать мне много лет
Часы любви, часы бесед,—
Ах, лучшей радости мне нет!

Станцуем джигу!

Из книги «Sagesse»

* * *

Над кровлей небо лишь одно —
Лазурь яснее.
Над кровлей дерево одно
Вершиной веет.

И с неба льются мне в окно
От церкви звоны,
И с дерева летят в окно
Мне птичьи стоны.

О Боже, Боже мой, все там
Так просто, стройно,
И этот мирный город там
Живет спокойно.

К чему теперь, подумай сам,
Твой плач унылый,
И что же сделал, вспомни сам,
Ты с юной силой?

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-----------------------	---

Из книги «Poèmes Saturniens»

Nevermore	10
Женщине	11
Тоска	12
Grotesques	13
La chanson des ingénues	15
Серенада	17
В лесах	19
Marine	21

Из книги «La bonne chanson»

Она прелестна в свете нежном	22
Пока блестит твой бледный диск	24
Белая луна	25
Лети ты, песенка, скорей	26
Вчера, среди ничтожных разговоров	27
Тесный светлый круг под лампой	28
То будет жарким летом	29
Почти боюсь, — так сплетена	30
Прошла зима, и теплое сиянье	32

Из книги «Fêtes galantes»

Лунный свет	33
Фавн	34

Из книги «Romances sans paroles»

Это — нега восхищенья	35
Слезы в сердце моем	37
2 вариант (В слезах моя душа)	38
3 вариант (На сердце слезы упали)	39
Мне кротко грезится под шепотом ветвей	40
Возлагать не будем друг на друга пути	41
2 вариант (Научися, мой друг)	42
В полях кругом	43
Встает туман с реки	45
2 вариант (Тени ив погасли)	46
3 вариант (С реки туман встает, как дым).	47
В дали зелено-красной	48
2 вариант (В зелено-алой дали)	49
Green	50
Сплин	51
Ну-тка, спляшем джигу	52
Beams	54

Из книги «Chansons pour elle»

Я не имею	55
Я враг обманам туалета	57

Вот осень наступила	58
Непорочна ты иль нет	59

Из книги «*Jadis et Naguère*»

Сбор винограда	61
--------------------------	----

Из книги «*Sagesse*»

Я в черные дни	62
Небо там над кровлей	63
2 вариант (Синева небес над кровлей)	64

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ
В КНИГУ 1908 ГОДА

Из книги «*Poèmes Saturniens*»

Осенняя песня	67
-------------------------	----

Из книги «*Fêtes galantes*»

На траве	68
В пещере	69
Письмо	70

Из книги «La bonne chanson»

На солнце утреннем 72

Из книги «Romances sans paroles»

Вижу даль аллея 73

Как фантастично появенье 74

Ребенок-женщина 75

Бедный молодой пастух 76

Раковины 78

O triste, triste etait mon âme 79

Birds in the night 80

Из книги «Jadis et Naguère»

Калейдоскоп 81

Пьеро 83

Из книги «Sagesse»

Меня в тиши Беда 84

И красота, и слабость 86

Послушай нежной песни лепет 87

Как нежно вы меня ласкали 89

Сын громадных поселений 90

ВАРИАНТЫ

Из книги «Poèmes Saturniens»

Тоска	91
Grotesque	92
La chanson des ingénues	94
Серенада	96

Из книги «Fêtes galantes»

Лунный свет	98
-----------------------	----

Из книги «La bonne chanson»

Все прелести и все извивы	99
Пока еще ты не ушла	101
Ночной луною	102
Песня, улетай скорее	103
Очаг, и тесное под лампою мерцанье	104
Так, солнце, общник радости моей	105
Почти боюсь, — так сплетена	106
Зима прошла: лучи в прохладной пляске	107

Из книги «Chansons pour elle»

Я не имею	108
Я не люблю тебя одетой	110

Вот осень наступила	111
Не надо ни добра, ни злости	112

Из книги «Romances sans paroles»

Я угадываю сквозь шептания	113
Знайте, надо миру даровать прощенье	114
Деревьев тень в реке	115
Брюссель	116
Мурава	117
Сплин	118
Станцуем джигу!	119

Из книги «Sagesse»

Над кровлей небо лишь одно	121
--------------------------------------	-----

Переиздание книги 1908 года, дополненное стихотворениями, не вошедшими в книгу и вариантами переводов

Верлен Поль
Стихотворения избранные и переведенные
Федором Сологубом

Сдано в набор 12.05.92. Подписано в печать 28.05.92.
Формат 70×100¹/₃₂. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Печ. л. 4. Условн. печ. л. 6,72. Уч.-издат. л. 7,12.

Тираж 12 000. Заказ № 779.

Издательство «Водолей»
634032, Томск, пер. Батенькова, 1

Отпечатано на Новосибирской картографической фабрике.
630005, Новосибирск, Демьяна Бедного, 55.

PAUL

VERLAINE

